

ков тысяча пуд соли, а по тарской таможенной оценке тое у них соли на сорок рублей. И с тое соли великих государей десятая пошлина у них, у Ивашка с товарищи, взята на Таре тою же солю сто пуд». Несложный подсчет показывает, что пуд соли стоил четыре копейки.

К концу второго десятилетия XIX века ведущим поставщиком соли был тарский купец 2-й гильдии Евтифей Филимонов. Он имел флот в 47 судов, причем не дощаников и лодок, а барок грузоподъемностью от 20 до 30 тысяч пудов с мощным парусным вооружением. Это позволило ему удерживать повышение цены на соль другими поставщиками в течение семи лет.

В 1822 году перевозка соли перешла в казенное распоряжение. Филимонова вынудили продать флот казенному ведомству. Постепенно без хозяина флот стал приходить в упадок. А вскоре в Ямышевское озеро пробились пресные ключи, соль перестала садиться, и Тара утратила статус солепромышленного центра.

Герб Тары

Ежегодно со 2 марта по 20 мая в Таре проводилась ярмарка, куда съезжались российские купцы и «весновали», скупая пушнину. В основном соболя и горностая. Не случайно, соболю был вырезан на казенной печати Тарской воеводской канцелярии, а горностаю оказался на гербе города Тары.

Герб появился 17 марта 1785 года, когда «ея императорским величеством высочайше подтвержден городу Таре герб: «в зеленом поле серебряной горностаю в знак изобильности и особливо добротности горностаев в Тарской округе».

Изобилие было таким, что в иные годы в Таре продавалось до 300 тысяч шкурок горностая. Он скупался по 20-40 копеек. Не удивительно, что вскоре его практически полностью выбили, хотя в 1706 году и вышел указ, запрещающий частный промысел горностая.

Тарский бунт и его последствия

5 февраля 1722 года Петр 1 издает «Устав «О наследии престола», в котором не называлось имя наследника. Когда в мае указ пришел в Тару, жители отказались присягать безымянному наследнику, узрев в нем признак пришествия безымянного антихриста. Отказ был квалифицирован как бунт, из Тобольска прибыл карательный отряд из 400 солдат под командой полковника Батасова и 200 служилых татар под командой капитана Рублевского. Один из главных руководителей бунта казачий полковник Иван Немчинов и еще 18 человек взорвали себя.

Последовал длительный розыск, более 250 человек арестовано и отправлено в Тобольск. Как минимум 34 человека было казнено, 150 отправлено на галеры, «а иные вместо галерной работы осуждены в железах и деревянных смыках дрова таскать и всякую городовую поделку делати, и землю копати, и пушки таскать». Тарчан дразнили «коловичами», так как некоторых посадили на кол.

Дома главных бунтовщиков были разорены. Из-за бунта город лишился самой активной и значимой части населения, что стало первым шагом к потере своего значения. А после основания крепостей на Иртыше, туда переводили из Тары одну казачью команду за другой. Город превратился в заштатный уездный, хотя и был знаменит такими купеческими фамилиями, как Немчинов, Айтыкин, Пятков, Щербаков, Ярков, Шанские и др.

В 1867 году в Таре было 3 кожевенных, 2 салотопенных, 6 свечных заводов, 1 винокуренный завод и «стеколоделательная» фабрика. И после того, как железная дорога прошла южнее, через Омск, упадок экономического значения Тары был предопределен.

К ПРИСЯГЕ НЕ ПОШЛИ...

В знаменитой «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева Тарскому бунту 1722 года уделено всего несколько строк. И не потому, что историк недооценил событие. Причина в том, что основное дело из Преображенского приказа не сохранилось, и материалы следствия по Тарскому бунту были неизвестны. И лишь в семидесятые годы XX века новосибирский историк Николай Николаевич Покровский обнаружил в ЦГАДА копияное дело о тарских событиях. В основном по его публикациям собирал автор этих строк материалы в архивах для романа о Тарском бунте «Отпор». Тарский бунт оригинален, прежде всего, своей идеологией и преобладанием среди его участников эсхатологических настроений. Остановимся коротко на причинах бунта и основных его этапах.

Устав

5 февраля 1722 года Петр Первый, оставшийся к этому времени без наследников (царевич Алексей был приговорен Верховным Судом к смертной казни за измену и по слухам задушен в тюремной камере графом Толстым и капитаном Румянцевым, а сыновья от второй жены Екатерины умерли во младенчестве), издает «Устав «О наследии престола». Суть его сводилась к следующему: «... заблагоразсудили Мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующего Государя, кому Оной хочет, тому и определяет наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменить...» То есть имя наследника не называлось и нарушалась традиция престолонаследия, существовавшая до этого: передача престола сыну, обычно старшему, либо из-

брание царя Земским собором. Именно этот указ стал причиной череды дворцовых переворотов в России XVIII века, пока не был отменен Павлом I.

К этому указу прикладывалась «Форма клятвенного обещания», которая использовалась во время принятия присяги: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь пред Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием в том, что по объявленному Его Пресветлейшего и Державнейшего Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, Нашего Всемиловитвейшего Государя о наследстве Уставу сего настоящего 1722 года февраля пятого дня, по которому ежели Его Величество по всей своей высокой воли и По Нем Правительствующим Государем Российского престола, кого похотят учинить наследником, то в Их Величества воли да будет... А ежели к сему явлюсь противен, или инако противное что помянутому Уставу толковать стану, то за изменника почтен и смертной казни и церковной клятве подлежать буду. И во утверждение сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего и подписуюсь».

В апреле данному указу присягнули жители столицы Сибирской губернии Тобольска. А вот в Таре вышла заминка. Несмотря на грозное предупреждение о смертной казни, жители города Тары этот указ именно «инако» толковать стали. Дело в том, что в самой Таре и в скитах вокруг нее было большое количество старообрядцев, которые после реформ патриарха Никона ожидали конца света, первым признаком наступления которого будет воцарение антихриста на три с половиной года, на столько, сколько проповедовал Христос. В указе Петра Первого они и узрели признак пришествия безымянного антихриста. В сборнике святоотеческих текстов Книге Кирилла Иерусалимского в знамении десятом прямо так и говорилось, что «...ни от царей, ни от царского рода воздержит царство, но прелестию восхитит власть...» И написано, что случится это именно в 7230 году от сотворения мира, то есть в 1722 году от Рождества Христова! О приходе антихриста говорилось и в Книге Правой Веры и в библейском пророчестве Даниила...

20 мая в заговенье Петрова поста сержант И. Островский привез из Тобольска указ в Тару и 21 мая объявил о нем коменданту Глебовскому. Но еще за несколько дней до прибытия сержанта Островского жители Тары знали о содержании указа и на шумных «сеймах», собраниях, в основном во дворе казачьего полковника Ивана Гавриловича Немчинова, обсуждали указ и решали присягать или нет. Для верности до объявления указа сняли копию с него, дав по пять рублей подьячему Андреянову и сержанту Островскому. Так и есть — имя наследника не названо! А значит, правы казаки Василий Исецкий и Петр Байгачев, толкующие по книге Кирилла Иерусалимского, что грядет безымянный Антихрист, не от царя, не от царского колена, восхитит царскую и святительскую власть. И про царя Петра они же говорили, что «он неблагочестие держит, бороды бреет, он де сам Антихрист». Присягать же Антихристу — лишиться жизни вечной!

Отпорное письмо

22 мая жителям объявлено о присяге. Казаки просили у коменданта Глебовского отсрочки и получили ее до 27 мая. А все эти дни шумели на «сеймах», посылали гонца за советом к отцу Сергию, видному расколоучителю, проживавшему в скиту у реки Ишим. Он был духовным отцом многих казаков. В конце концов, казаки и посадские решили не присягать безымянному наследнику и написали «противное» («отпорное») письмо, в котором объясняли причину отказа.

27 мая, в день приведения к присяге, подали это письмо коменданту Глебовскому на паперти Соборной церкви при большом стечении народа. Комендант велел прочитать письмо вслух подьячему Григорию Андреянову, что тот и сделал. Позднее, на допросе Глебовский говорил, что «велел прочесть вслух, для того что он не ведал, что в оном письме написано». Затем он вернул письмо полковнику Немчинову и велел подписаться тем, кто отказывается от присяги.

30 мая в Тарскую канцелярию к Глебовскому пришли полковник Немчинов, дворянин Василий Чередов, сотник Борис Седельников, пятидесятник Иван Жаденов и еще несколько человек и вручили ему письмо, которое подписали 228 человек. Вот, что было написано в том письме: «У присяги Клятвенное обещание определенном в наследники и о уставе означено, а какова роду и какова чину, и кто именем и каков устав будет, и о том имянно не означено. И мы за такова неведома наследника клятвою не клянемся, слова и креста не целуем, и рук не прикладываем. А ежели буде от царского рода наследник будет, и устав святыя соборныя апостольския церкви и седми вселенских соборов и помесных и евангельския проповеди апостольским учением, и мы за такова наследника и за устав святыя восточныя соборныя апостольския церкви евангельскую проповедь и апостольское учение со всеусердием и радением с подписанием рук своих Святое Евангелие и крест целовать будем. Тарского города городовые и всех разных чинов жители с домами своими и с детьми».

Доносы

Но уже за день до подачи этого письма Глебовскому в Тобольск был послан донос судьи Лариона Верещагина в надворный суд князьям Козловскому и Водбольскому, в котором он, в частности, писал: «...у тарских жителей в граде и в уезде дума худая; маие месяце 27 день градские и уездные люди к присяге не пошли, а из них небольшие люди к присяге пошли, а возмутил ими тарского ж города полковник Иван Гаврилов с небольшими людьми. Да к нему ж в думу и сейму недобрую приехали с пустыни. И я тарского города полковника и градских жителей весьма уговаривал, и они ж меня не слушали и посланному императорского величества указы сержанту отказали в том, что к присяге не идут, а слова их непотребные и писать невозможно. К милости вашей и впредь я от них добрава не чаю, а опасение о зборе казне императорского величества имею немалое, и о том надворного суда господя судьи князь Семен Михайлович, князь Михаил Иванович с товарищи что укажете...»

Получив донос 5 июня, власти действовали быстро. Арестовали несколько человек тарчан, бывших в Тобольске по делам, и допросили их. Одного, Алексея Маладовского, с пристрастием. В допросах участвовали губернатор Алексей Черкасский и вице-губернатор Петрово-Соловово. В результате допросов узнали о зачинщиках и квалифицировали действия тарчан как измену.

И уже 6 июня из Тобольска был отправлен карательный отряд под командованием полковника И.Т. Батасова. На подавление бунта было брошено более 600 человек. Сохранилась подробная роспись (табель) личного состава, вооружения и имущества Санкт-Петербургского и Московского полков (тех, что были сформированы в 1715 году основателем Омской крепости А. Д. Бухолцем), командированных в Тару. Из этой таблицы следует, что под командованием 6 штаб-офицеров (полковника, двух капитанов, поручика и двух прапорщиков) было 413 унтер-офицеров, капралов, гренадеров и солдат. Кроме того, под командованием капитана Рублевского было еще 200 служилых татар. В одном из пунктов инструкции, данной Батасову, говорилось: «А ежели они в прибытие твоему покажут противность и запрутся в город, и взять себя не дадут, то поступать тебе с ними военным порядком, только, по возможности, людей от излишней утраты и город от большого разорения сохранять». В отряде было четыре пушки и четыре мортиры, которые полковник Батасов 2 июля отправил обратно в Тобольск за ненадобностью.

А в Таре события тоже не стояли на месте. Последовала череда доносов. В дело вступили тарские фискалы Серебров и Шильников. Серебров подал своему начальнику Семену Шильникову, вернувшемуся 31 мая из поездки в Омскую крепость, донос на неверстаного сына боярского Алексея Шарапова, в том, что Шарапов называл Петра I «непрямым царем», антихристом. Шильников пишет в связи с этим донос коменданту Глебовскому.

Два доноса подали в Тарскую канцелярию Глебовскому на неверстаного сына боярского Петра Грабинского за то, что он выскреб себя из отпорного письма и внес подпись в присяжные книги. Волей-неволей комендант Глебовский вынужден был начать аресты, допросы и написать официальное ведение о случившемся в Тобольск. Столь запоздалая реакция на события будет впоследствии дорого ему стоить, он также не избежит ареста. Среди первых арестантов был и Василий Исецкий, один из главных идеологов отпора. А Петр Байгачев сумел бежать в скит к отцу Сергию.

Под пыткой Василий Исецкий подтвердил слухи, ходившие по Таре, что этому несправедливому миру осталось стоять три с половиной года, основываясь он при этом на ветхозаветных пророчествах Даниила, которые были протолкованы в Книге Кирилла Иерусалимского, и следующим образом объяснил причины своего отказа от присяги:

«И он, Исецкий, читал книги – Кирилла Иерусалимского о последнем времени десятое знамение и толковал он, Исецкий, что не надлежит итти к присяге для того, что в этой книге написано тако:

«Знамение десятое. Не от царей, ни от царского рода воздержит царство, но прелестью восхитит власть... Да в первом же десят знамении написано. Бу-

дет же антихристова царства токмо полчетверта лета. Не пророчествую же, но от пророка Даниила глаголю, тако пишет: Дастся в руку его два времени и времени и пол времени. Время есть год один – возрастет пришествие его, а два времени другие – лета злобы его, и тако суть три лета, а пол времени есть шесть месяц... И те слова читаючи, толковал, он, Исецкий, что последнее время пришло – за безымянного велят крест целовать, ныне де не объявлено, а после де явитца антихрист».

Ожидание безымянного антихриста не мешало считать антихристом и самого Петра I. Об этом говорили в своих показаниях многие тарчане, вот, например, как свидетельствовал казак Егор Глатков: «Говорил Василей Исецкой и Петр Байгачев, что де присягать за безымянного наследника не надлежит, грех, и безымянной де именуется антихрист, и толко де жить пол четверта года, да ныне де сидит антихрист – то он говорил про его императорское величество».

Расправа

13 июня в город внезапно вошли 100 солдат под командой капитана Ступина, а 16 июня основные силы под началом полковника Батасова. Вооруженного сопротивления им не было. Казаки заперлись в трех дворах: полковника Немчинова, казака Ивана Падуши и казачьего сына Ивана Казачихина – «все-го мужеска и женска полу сто семнадцать человек» – и угрожали сжечься. Был составлен «Реэстр города Тары жителей, которые противность учинили его императорского величества указам, не пошли к присяге и ныне заперлись в трех дворах и хотят сжечься». Так, с Немчиновым заперлись дети боярские Яков Заливин, Федор Кропотов, Михайло Степанов, Иван Терехов, сотник пеших казаков Борис Седельников, сотник казачьих детей Яков Петрашевский, пятидесятники Иван Жаденов, Никифор Перфильев, Гаврило Быков, знаменщик Александр Усков, пушкарь Иван Третьяков, десятники Петр Замызгин, Петр Бражников, Андрей Третьяков, подьяческий сын Андрей Колпин, конные, пешие и отставные казаки, а также казачьи дети, причем последних было большинство.

Полковник Батасов запросил Тобольск, как поступать с засевшими. 25 июня присланы инструкция и указ, что делать с бунтовщиками, в случае отказа выходить. Власти поначалу рекомендовали прибегнуть к хитрости и советовали полковнику Батасову: «тебе ж послать к полковнику Немчинову велеть обнадеживать, что их велено привести в Тобольск для разговора, и что губернатор не хочет с ними никакого зла учинить, а только желает с ними разговаривать и учинить по их желанию. А ежели они тем словам не поверят, и им показать фальшивую инструкцию, которая ныне послана к тебе». Далее рекомендовалось провести, доподлинно есть ли у них порох и если есть, «приготовить бочек 50, налить воды с вечера и чтоб стояли на лошадях в таком месте, чтоб с тех дворов было не видно. И ту воду приготовить зело тихо и тайно, чтобы оне не видали и как то будет готово, то в полночь велеть

солдатам штурмовать, и ежели зажгут, то велеть отнимать и заливать, чтобы оных заводчиков живых взять. <...> Смотри, чтоб солдатам утраты большой не было».

В результате переговоров из дома полковника Немчинова вышли 49 человек, а 19 человек 30 июня взорвали себя, но не погибли: «И от того его зажжения, – писал в Тобольск полковник Батасов 5 июля, – тутошним жителям и другим чинам вреда не учинилось никакого, его полковника и оставшихся товарищей его никого не убило, токмо жестоко обгорели и четырнадцать человек от того лежат при смерти, а пять человек, которые нежестoko обгорели, взяты под арест. И полковник Немчинов жив был часов семь, а в чем надлежало был допрашиван. А что в допросе сказал, с того его допросу посылается копия, и после допросу умре, и я велел его схоронить за городом у часовни». Однако уже мертвое тело его было четвертовано и растыкано по кольям и копьям. Кто это сделал – неизвестно.

Расчлененное тело полковника Немчинова. Миниатюра из старообрядческой рукописи XIX в., обнаруженная Н.Н. Покровским

В упомянутой копии допроса умирающего полковника Немчинова были ответы на четыре вопроса. В первом вопросе Батасова интересовала в первую очередь причина отказа от присяги и роль коменданта Глебовского: призывал ли он к присяге, знал ли о содержании «ответного» письма, когда велел прочитать его. Полковник Немчинов показал в пользу коменданта, но это не уберегло того от неприятностей, ибо уже в упоминавшемся указе от 25 июня Батасову было велено заковать коменданта Глебовского в железо и отправить с прочими арестантами в Тобольск «за то, что он беспорядочно

неразсудительно указ публиковал». Следует отметить, что даже перед лицом смерти Немчинов своими словами старался не навредить «отпорщикам». Комендант Глебовский был допрошен с пристрастием в Тобольске и надолго оказался в опале. В тарских событиях он занял противоречивую, двойственную позицию. В свое время даже посылал в подарок отцу Сергию 10 пудов соли и два постава камки... Лояльность Глебовского к отпорщикам на первоначальном этапе бунта подтверждается показаниями жены полковника Немчинова Катерины, которой на виске дано было 11 ударов кнутом: «Полковника Немчинова жена Катерина на виске и с розыску говорила, что муж ее у коменданта Глебовского бывал и говорил, что де Глебовский тесноты имчинить не хочет, муж ее говорил, как де будут штурмовать, и оне де будут жетца...»

После взрыва дома Немчинова Иван Казачихин тоже вышел, а вот Иван

Падуша сидел в своем доме с одиннадцатью казаками почти три месяца, до 16 октября, грозя взорвать себя. В середине июля полковник Батасов послал к Падуше капитана Ступина с присланной из губернской канцелярии с копией фальшивого указа, в котором говорилось, что ничего плохого бунтовщикам сделано не будет. Падуша не поверил и сказал, что этот указ не имеет отношения к их письму и если не будет указа его императорского величества по их ответному письму, то они готовы умереть. Батасов делал все, чтобы Падуша не последовал примеру полковника Немчинова. В отписке в Тобольск 23 июля полковник Батасов сообщал, что «кругом двора Ивана Падуши строение обломано и с неделю хлеба и питья воды им не дается. И всего ж июля в разных числах вышло от оного Падуши мужеска полу два человека да мальчик, женска полу три жонки да две девки и сказывают, что есть в пище оскудение великое, а запасу муки ржаной пуда с три да рыбы сухой с пуд...» Вышедшие сообщили Батасову также, что видели у него два бочонка ведра по три с порохом, сам же Падуша утверждал, что у него десять таких бочонков и что «он не выйдет пока и будет ждать, что учинено будет над другими». Вышла из дома и жена Падуши с годовалым сыном, она показала, что у Падуши три бочонка с порохом. Позднее выяснилось, что в трех бочонках у него был не порох, а песок.

С приходом отряда Батасова постоянно шли аресты и допросы. Подписавшиеся под письмом казаки стояли на своем: если имя будет указано, то к присяге пойдем, если нет, — не пойдем. Вот характерное показание, данное «в застенке с розыску», рядового конного казака Степана Неустроева, который сидел в доме Немчинова, но потом вышел: «Хотя-де ему вина будет и прощена, а имя о наследнике неупомянуто будет, и он-де к присяге не пойдет. По толкованию Исецкого и Байгачева. И старец Сергей был на Таре после той противности у Ивана Шевелясова в доме, а посылал по него полковник Немчинов Михайла Ембакова. А письмо писал к нему Василий Исецкой, а про то сказывал ему он, Исецкой. А в том письме писано, чтоб он, Сергей, побывал к ним на Тару. И он, Сергей был в то время. У Шевелясова был он, Неустроев, и Федор Терехов да Семен Сумин, тут же был старец Федор Поморский и советовал он, что-де к присяге итит не надлежит, последние-де времена, и в нынешнее время будет антихрист...»

Но не все были столь идейно убежденными. Так, пешие казаки Семен Тараторин, Федор Белобородов, Илья Багачанов, Андрей Скуратов, Иван Зборщиков показали, что «у присяги не были за то, что начальные люди не пошли, и оне, смотря на них, не пошли же». Иные отговаривались тем, что были в отлучке на отъезжей пашне, за дровами или за солью. К середине июля было приведено к присяге 1608 человек, то есть основная часть взрослого мужского населения города.

27 июля полковник Батасов отправляет в Тобольск первую партию арестантов — 74 человека, сообщив, что 153 отправить не на чем. Среди арестантов дворяне Чередовы: Василий, Иван, Яков, дети боярские, сотники, пятидесятники, казаки, а также и сам комендант Глебовский. На последнего Аника

Переpletчиков подал донос, что он чинил «попоровку» изменникам. Среди арестованных была и жена полковника Немчинова Катерина.

23 августа отправлено в Тобольск еще 114 человек. Но следствие не прекращается, а, напротив, по указанию из столицы ужесточается. По указу Сената создана специальная Тарская канцелярия розыскных дел во главе с вице-губернатором А. К. Петрово-Соловово. 9 ноября его отряд внезапным налетом захватил скит отца Сергия, где собралось около 170 человек, приготовившихся сжечься. Захвачено много книг и рукописных и печатных. 3 июня Петр I, «будучи в Иностранной коллегии», лично рассматривал реестр книг, конфискованных в ходе розыска, и приказал Синоду сжечь их, оставив только две книги.

Собственно, захватом скита отца Сергия и завершается копияное следственное дело. Остальные события в какой-то мере реконструируются по другим документам. К таким документам относится, например, любопытное «подлинное дело солдата Микулина с товарищи».

Судейские кадры

Случилось это уже в марте 1723 года. Рьяный земский судья Ларион Верещагин подал донос на полковника Батасова, обвиняя его в попоровке и хлебничании бунтовщикам в канцелярию розыскных дел. А еще через несколько дней подал донос и солдат Исаак Микулин, утверждая, что слышал, как Ларион Верещагин называл полковника Батасова изменником. «Понеже она важность касаетца по второму пункту», полковник Батасов, Ларион Верещагин, солдат Микулин, сержант Данила Львов, подьячий Сабуров и писарь Паклин были закованы в железа и отправлены в Москву в Преображенский приказ. В ходе следствия выяснилась невиновность Батасова, а за Ларионом Верещагиным открылось два убийства. Тем не менее притворившись умирающим, Ларион Верещагин сумел бежать из-под стражи 12 августа 1723 года. В полицмейстерскую контору были сообщены его приметы, но беглеца не нашли. Вот такие судейские кадры встречались в петровское время. Стоит добавить, что именно с помощью Верещагина был схвачен один из руководителей Тарского бунта Петр Байгачев. Судья великодушно позволил ему зарезать себя за взятку! После побега Верещагина в Тару был послан указ описать его имущество, продать с торгов, а деньги прислать в Преображенский приказ, велено было заключить под стражу жену и детей. Через пять лет 28 октября 1728 года губернатор М. Долгорукий писал в Москву, что жена и дети Верещагина содержатся под стражей и спрашивал, что с ними делать, извещал также, что имущество бывшего земского судьи распродано с торгов. К слову сказать, подробные описи домашнего имущества полковника Немчинова, коменданта Глебовского и Лариона Верещагина дают ценную информацию о быте жителей сибирских городов в первой четверти XVIII века. Сравнивая описи, можно сказать, что земский судья Ларион Верещагин был, пожалуй, самым богатым в городе человеком.

Коловичи

Итогом розыска в Таре были казни. Так, отца Сергия четвертовали. Некоторых посадили на кол, иных подвешивали за ребро на крюк... Сколько же было казнено всего, кто был казнен и как, точно неизвестно. Сотни и даже тысячи казненных из-за Тарского бунта, как утверждают некоторые историки, явно не соответствуют действительности, поскольку под письмом подписалось всего 228 человек, и остальных, вроде, казнить не за что. Если, конечно, не считать многочисленных самосожжений, ставших реакцией на гонения после Тарского бунта. Так, только в Пышменской и Елунской горях погибло соответственно 400 и 600 человек.

Кстати сказать, сын полковника Немчинова Федор пошел по стопам отца, стал видным расколоучителем и в 1756 году сжег себя со 172 раскольниками в деревне Мальцево Чаусского острога Томского уезда. А причины сего самосожжения были те же, что и в 1722 году: нежелание отдаваться антихристовым слугам, в церкви ересь по-прежнему, просфоры печатают латинским крестом, бороды бреют, курят, а священники того в грех не ставят... Было и здесь своего рода «отпорное» письмо, в котором дана такая характеристика власти, которая во многом справедлива и по сегодняшнему времени: «А ныне зрите вы сами, что у вас свершается, неправдою приторгнули как духовные власти, так и земские, мздами ослепляемы; ныне у вас весь народ мздами отягчают, наипаче же верных, которые последуют благочестивой вере; ныне как духовные, так и земские власти не по избранию Святого Духа поставляются, а злата ради, того ради они нарицаются от бесов, а не от Бога; того ради нынешние власти по всем местам гневливы, наглы, моты, яры, нестройныя, страшны, ненавистны, мерзки, не кротки, лукавы; своими ересями и прельщением они отставляют человеков от пути праведного и сводят на погибельный путь...»

Сохранилось прошение нового сибирского губернатора князя Михаила Долгорукого от 15 ноября 1728 года о невзыскании подушного налога с выбывших тарских душ, из которых 34 человека казнено и 150 сослано на галеры. Эти цифры, пожалуй, ближе к истине. Однако из документа непонятно все ли это казненные или только часть их.

Но как бы там ни было, за тарчанами прочно закрепилось, вплоть до начала XX века, прозвище «коловичи», от слова «кол», а вдоль дороги, ведущей в Тобольск, стояли кресты в память о мучениках Тарского бунта.